

*А. Д. Степанов**

АКТУАЛЬНА ЛИ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО?

Н. Я. Данилевский актуален как основоположник цивилизационной концепции исторического развития и как оригинальный геополитик. Но его теория культурно-исторических типов — это еще и историософский трактат о предназначении России. Мыслитель рассуждает в парадигме триады «Православие, самодержавие, народность», делая акцент на третьем члене триады. Это вызвано контекстом тематики освобождения, в которой находился Данилевский: освобождения русского народа от уз крепостничества и освобождения славян от османского ига. Мыслитель пытался адаптировать триаду к условиям начавшегося активного участия масс в истории. Сегодня скорее актуален тот извод национальной идеи, который представлен М. Н. Катковым и его последователями, когда на первый план выдвигается роль государства в истории.

Ключевые слова: Россия и Европа, славянофильство, православие, самодержавие, народность, славянство, эпоха освобождения.

A. D. Stepanov

IS N. Ya. DANILEVSKIY'S DOCTRINE OF CULTURAL-HISTORICAL TYPES CURRENTLY IMPORTANT?

N. Ya. Danilevskiy is of current importance both as the founder of civilizational doctrine of historical evolution and as an original geopolitician. His doctrine of cultural-historical types is also a historiosophical discourse about the mission of Russia. The scholar thinks within the paradigm of the triad «Orthodoxy — Autocracy — Nationality» focusing on the third element of the triad. It is caused by the context of a thematic range of liberation — liberation of the Russian people from serfdom and liberation of the Slavs from the Ottoman yoke. The thinker attempted to adapt the triad to the conditions of the active participation of the people in history. At the present day the form of the national idea developed by M. N. Katkov and his disciples could be considered as an idea of current importance where the role of the state is brought to the forefront.

* Степанов Анатолий Дмитриевич, историк, главный редактор портала «Русская народная линия»; председатель МОО «Русское собрание»; as@ruskline.ru.

Keywords: Russia and Europe, slavophilism, orthodoxy, autocracy, nationality, slavich peoples, Era of liberation.

Хочу сразу пояснить в каком смысле речь идет об актуальности. Книга «Россия и Европа» — важнейшее событие не только в истории русской, но и мировой политической и историософской мысли. Формулирование цивилизационной концепции истории делает Данилевского всегда актуальным.

Несомненно, что Данилевский актуален и в отрицании идеи общечеловеческого прогресса, с которой наша политическая элита никак не можем расстаться. Актуален он и в опровержении теории европоцентризма. Он отвергал основанную на теории общечеловеческого прогресса и рожденную европейской наукой схему деления истории на древнюю, среднюю и новую как не соответствующую всему богатству исторического и утверждал, что

естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития, как главного основания ее делений, от степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться (1, с. 91).

Правда, критики Данилевского, представляя его как геополитика по преимуществу, обращают внимание на то, что он ошибся в главном своем выводе. Славянский культурно-исторический тип так и не реализовался в истории, если не считать его реализацией построенную И. В. Сталиным буферную зону безопасности после войны, которая примерно совпадала с границами «славянского культурно-исторического типа» Данилевского. Но никакого «общеславянского творчества» в короткий промежуток времени существования «мировой системы социализма» не наблюдалось. Поэтому считать даже сталинскую систему реализацией славянского культурно-исторического типа нельзя. А сегодня этот проект и вовсе не имеет никаких видимых шансов на реализацию: славянские и православные народы откровенно враждебны России за редким исключением.

Да и сам Н. Я. Данилевский подписал приговор своей концепции, написав: если славянство не создаст самобытной цивилизации, то оно не будет иметь никакого смысла,

вся тысячелетняя этнографическая подготовка, вся многовековая народно-государственная жизнь и борьба, все политическое могущество, достигнутое столькими жертвами одним из славянских народов, есть только мыльный пузырь, форма без содержания, бесцельное существование, убитый морозом листок.

Однако, на мой взгляд, книга «Россия и Европа» имеет главное значение не как геополитический трактат, не как яркая критика идеи европоцентризма, а как историософский манифест, как проект обустройства России, как попытка выявить алгоритм развития России (1, с. 130–131).

И в этом смысле Данилевский — последователь ранних славянофилов (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др.), а также мыслителей раннего русского консерватизма (А. С. Шишков, Н. М. Карамзин, С. С. Уваров, М. Л. Магницкий и др.). Данилевский размышляет о судьбе России в парадигме

триады «Православие, самодержавие, народность» с некоторыми особенностями. А эта триада является основой русской историософии.

Если внимательно читать Данилевского, то можно увидеть, что структурирующие принципы цивилизации (в т. ч. и русско-славянской), составляющие основу самобытности, определялись им следующим образом: 1) «различия этнографические; это те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов»; 2) «различия руководящего ими высшего нравственного начала, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации, как со стороны научной и художественной, так и со стороны общественного и политического строя»; 3) «различия хода и условий исторического воспитания народов» (1, с. 184). Иначе говоря, формула самобытности России (славянского культурно-исторического типа) выражается у Данилевского триадой в таком виде: «Народность, православие, самодержавие».

Вот Н. Я. Данилевский пишет:

Итак, для всякого славянина... после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности (1, с. 128).

Оговорка, что идея национальная — высшая, но «после Бога и Его святой Церкви», — не должна вводить в заблуждение. Из контекста «России и Европы» видно, что именно народность (славянство) мыслится автором как всё определяющий, главный структурирующий принцип славянской цивилизации. Это явствует хотя бы из того, как определяется культурно-исторический тип. Сама последовательность глав в «России и Европе» показывает, что именно народность стоит на первом месте среди начал русско-славянской цивилизации.

Главным условием устойчивости общества, полного проявления самобытности России провозглашается максимально последовательное подчинение интересам народности всех сфер социальной жизни, внутренней и внешней политики государства: «Для всякого славянина идея славянства должна быть высшею идеею». Данилевскому вторят близкие ему по духу мыслители-современники: «устой основывается на массе» (Р. А. Фадеев); «полное удовлетворение в самом корне всех требований народности» (О. Ф. Миллер) (3, с. 110). Тут выражается основополагающая для мыслителей этого направления идея.

Чтобы понять ход мысли Данилевского, нужно понять контекст, в котором появилась работа «Россия и Европа» в 1869 г. в журнале «Заря» (а затем и отдельной книгой). Н. Я. Данилевский начинает свое исследование со сравнения событий Восточной (Крымской) войны и вооруженного конфликта Пруссии и Австрии с Данией в 1864 г., чтобы сделать вывод, что Европа едина между собой, несмотря на конфликты, и фундаментально враждебна России.

Иными словами, Данилевский обращается к проблеме отношения России и Европы после поражения России в Крымской войне, которая, начавшись как конфликт России и Турции, переросла практически в общеевропейскую войну против России. Он пишет книгу после поражения в войне и на фоне

либеральных реформ императора Александра II, с восторгом встреченных многими в обществе. То есть книга писалась под знаком Освобождения народа. Прежде всего — от уз крепостничества, от пут канцелярщины в судах (как тут не вспомнить стихотворение А. С. Хомякова «России»: «В судах черна неправдой чёрной / И игом рабства клеймена, / Безбожной лести, лжи тлетворной / И лени мертвой и позорной / И всякой мерзости полна»). Одновременно в обществе начинает пробуждаться сочувствие к братушкам-славянам, вскоре вылившееся в активное участие русских добровольцев в восстании в Боснии и Герцеговине, завершившемся объявлением Россией войны Турции в 1877 г.

Данилевский и сам откровенно аттестует себя апологетом либеральной политики освобождения как необходимого условия выполнения Россией своей миссии. Единственным препятствием к развитию славянского культурно-исторического типа, по мысли Данилевского, является неразрешенность Восточного вопроса. Россия не могла приступить к решению этого вопроса по двум причинам: во-первых, из-за неясности «целей, которых стремились достигнуть» (теперь эти цели Данилевским сформулированы) и, во вторых, из-за отсутствия «политики либеральной и национальной вместе» (1, с. 350). Для решения Восточного вопроса необходима политика либеральная, ибо «политика эта есть политика освобождения», а славянские народы чувствовали недоверие к России, «вступившей в борьбу за их освобождение и в то же время сохранявшей и распространявшей у себя дома рабство» (1, с. 352). Теперь, после отмены крепостного права, политика либеральная может быть соединена с политикой национальной. Теперь Россия готова исполнить свое историческое призвание, свою миссию.

В понимании смысла «России и Европы» важно иметь в виду именно этот контекст Освобождения — русского народа от крепостничества и государственного бюрократизма и славян от османского ига.

В постулировании идеи самобытности России, в противопоставлении России Западу Данилевский не был оригинален. До него уже писали об этом ранние славянофилы. И. В. Киреевский обстоятельно в работе «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», а также А. С. Хомяков и К. С. Аксаков. А еще раньше А. С. Шишков, во многих трудах которого можно услышать эти нотки. А как не вспомнить знаменитое пушкинское стихотворение «Клеветникам России» (не лезьте европейцы в наш конфликт с поляками — «то спор славян между собою»)!

Тут также стоит отметить, что Данилевский был не одинок в своих оценках, о чем уже упоминалось выше — схожие идеи высказывали и его современники, мыслившие в той же парадигме, к примеру И. С. Аксаков, Р. А. Фадеев, О. Ф. Миллер, А. Ф. Гильфердинг и другие панслависты, Н. Н. Страхов и другие почвенники. Так, по свидетельству Н. Н. Страхова, И. С. Аксаков говорил: «Я теперь с величайшим наслаждением читаю книгу Николая Яковлевича; какая радость найти свои давнишние убеждения, но взятые с новой точки зрения и блистательно развитые и доказанные!» (5, с. 156).

Р. А. Фадеев: «Нам нужно славянство не для того только, чтобы устоять в европейской борьбе, но для того, чтобы с его помощью самим стать опять славянами» (6, с. 267).

Н. Я. Данилевский, в отличие от своих предшественников-славянофилов, конечно, обосновал различие Европы и России более фундаментально и системно. Но и заострил это противостояние до предела. Для ранних славянофилов вопрос стоял так: «Европа нас не понимает», а значит мы должны объяснить Европе нашу инаковость. И в перспективе они видели возможность примирения России с Европой.

Данилевский же (как и другие его единомышленники) довел градус напряжения до предела: Европа не понимает, потому что понимать не хочет. По мнению Данилевского, «Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет». Всё дело в том, «что Европа не признает нас своими», видит «в Руси и славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» (1, с. 50). Р. А. Фадеев в том же 1869 г. писал, что «нечего обманывать себя в значении какого бы то ни было союза с Европою. Положительные, исторические русские интересы такого свойства, что для их осуществления никто не протянет нам руку охотно» (6, с. 325).

А И. С. Аксаков со свойственной ему публицистической яркостью в письме к В. Ф. Пуцыковичу (1878) писал: «Попробуйте вразумить просвещенную и доступную логическому вразумлению Западную Европу на счет России, ее бескорыстия и миролюбия!.. Не вразумите. У нее нет даже органа для понимания России» (4, с. 23–24).

Был ли монархистом Данилевский? Несомненно был. Но он был монархистом не идейным, а скорее в личном качестве. Приведу обстоятельную цитату:

Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что Русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его Государе, который, вследствие этого, есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе. Вот смысл и значение русского самодержавия, которое нельзя поэтому, считать формою правления в обыкновенном, придаваемом слову форма смысле, по которому она есть нечто внешнее, могущее быть измененным без изменения сущности предмета... Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, то есть такая, которая не разделима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма всякого органического существа, от растения до человека. Посему, и изменена или в настоящем случае ограничена, такая форма быть не может. Это невозможно даже для самой самодержавной воли, которая по существу своему, т. е. по присущему народу политическому идеалу, никакому внешнему ограничению не подлежит, а есть воля свободная, то есть самоопределяющаяся. Это-то внутреннее, нравственно-политическое единство и цельность русского народа, объемлющая собою всю государственную сторону его бытия, и составляет причину того, что Русский народ может быть приведен в состояние напряжения всех его нравственных и материальных сил, в состояние, которое мы называем дисциплинированным энтузиазмом, — волею его Государя, независимо от непосредственного возбуждения отдельных единиц-личностей, составляющих народ, тем или другим интересом, событием или вообще возбуждением. А 80-миллионный

народ, способный по искреннему слову главы своего и представителя, составляющего живой центр его сознания, чувства, мысли и воля, придти в состояние дисциплинированного энтузиазма, — есть сила, которой мир давно уже, или даже вовсе еще не видал (1, с. 501–502).

Данилевский здесь последовательно проводит принцип органичности в подходе к социальным явлениям: народ есть цельный организм, а монарх — его орган («живое осуществление политического самосознания и воли народной»). По Данилевскому, самодержавие просто укоренено в русской культуре, в русском мирозерцании органично наличествуют державные качества. И в этом смысле знаменательна мысль Данилевского о «дисциплинированном энтузиазме». Мыслитель словно пытается в условиях демократизации социального строя найти надежную опору трону в широких слоях народа. Данилевский будто предчувствует грядущее «восстание масс», которым ознаменовано будет грядущее XX столетие, и стремится предусмотреть превентивные меры.

Однако получается, что именно народность составляет «существенную основу государства, самую причину его существования», и главная цель государства и есть охранение народности. Из самого определения государства следует, что государство, не имеющее народной основы, не имеет в себе жизненного начала, и вообще не имеет никакой причины существовать. Государство не выступает самостоятельной силой, актором русской истории. Таким образом, государственное учение Н. Я. Данилевского сходно с учениями К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, и потому несет в себе то же коренное противоречие между личным монархизмом авторов и идейным антимонархизмом.

Формула русских начал, предлагаемая Данилевским и его единомышленниками из лагеря панславистов, может быть обозначена как «Народность, православие, самодержавие (а даже точнее — специфическая Русская Государственность» (в основе специфичности лежат прежде всего державные качества русской народности).

Таким образом, в условиях экономической модернизации и кризиса старой социальной иерархии Н. Я. Данилевский и его единомышленники в качестве определяющего начала русской цивилизации выдвигали начало народности, сближаясь, таким образом, с народниками.

Если мы обратимся к историософскому наследию русских мыслителей XIX в., то увидим, что формула «Православие, самодержавие, народность» поразному в разное время звучала у И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева. На первое место выдвигались разные члены триады. Все эти формулировки, если можно так выразиться, равночестны. Каждая из этих формулировок и каждая из концепций отражала реалии тогдашней России и те вызовы, с которыми сталкивалось наше Отечество.

На мой взгляд, сегодняшним задачам и реалиям более соответствует формул современника Н. Я. Данилевского Михаила Никифоровича Каткова. Наиболее концептрированно он выразил своё понимание Русской триады в следующей цитате:

Есть в России одна господствующая народность, один господствующей язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество

племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай... Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют единство с ним в единстве государства, в единстве Верховной власти, — в Царе, в живом всеповершающем олицетворении этого единства. В России есть господствующая церковь, но в ней же есть множество всяких, исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что может быть исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли (2, с. 1).

Таким образом, Николай Яковлевич Данилевский наиболее актуален как часть русской историософской и политологической теории, раскрывающей судьбу и предназначение России. И сегодня любые перспективные и продуктивные попытки создать современную национальную идею должны опираться на традицию русской национальной историософской мысли, в основе которой должны лежать две фундаментальные формулы: «Православие, самодержавие, народность» и «Москва — Третий Рим».

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 5-е изд. — М., 1895.
2. Катков М. Н. [Редакционная статья] // Московские ведомости. — 1863. — № 79.
3. Миллер О. Ф. Русско-славянский вопрос и начало народности // Миллер О. Ф. Славянство и Европа: Статьи и речи 1865–1877 гг. — СПб., 1877.
4. Письма И. С. Аксакова к В. Ф. Пуцыковичу // Московский сборник. — М., 1887.
5. Страхов Н. Н. Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского // Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. — СПб., 1896. — Кн. 3.
6. Фадеев Р. А. Мнение о Восточном вопросе // Фадеев Р. А. Собр. соч. — СПб., 1889. — Т. 2. Ч. 2.
7. Фадеев Р. А. О современном состоянии России // Фадеев Р. А. Собр. соч. — СПб., 1889. — Т. 3. Ч. 2.